

# ГОРИЗОНТЫ АРКХЕМА

ГОВАРД ФИЛЛИПС  
ЛАВКРАФТ

ИЛЛЮСТРАЦИИ  
САНТЬЯГО КАРУЗО



ШЕДЕВРЫ УЖАСА



В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

# Говард Филлипс Лавкрафт

## Горизонты Аркхема

### Серия «Шедевры ужаса в иллюстрациях. Мифы Ктулху»

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=70297741](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70297741)*

*Горизонты Аркхема / Говард Филлипс Лавкрафт: Издательство АСТ;*

*Москва; 2023*

*ISBN 978-5-17-159782-5*

### **Аннотация**

Совершая многочисленные путешествия по Массачусетсу в поисках старинных причудливых построек, архитектурных свидетельств колониальных времен, Говард Филлипс Лавкрафт описал множество своих впечатлений в письмах, эссе и путевых дневниках.

Благодаря этому внимательный читатель может отследить увлекательную связь между реальными ландшафтами и зданиями и созданной воображением писателя местностью вдоль реки Мискатоник: Кинг-спортом, Данвичем, Иннсмутом и Аркхемом. Где-то па мрачном горизонте они сливаются. Однако именно Провиденс, где автор все это замыслил и написал, навсегда останется переходной зоной между реальностью и вымыслом.

Рассказы, собранные в этой книге, дают прекрасное представление как о городских, так и о сельские местностях, из которых Говард Филлипс Лавкрафт образовал свою потустороннюю Новую Англию.

# Содержание

Предисловие Сантьяго Карузо	6
Отрывки из заметок Г.Ф. Лавкрафта о дорожных впечатлениях	7
Заброшенный дом	17
Страшный старик	66
Праздник	73
Неименуемое	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

# Говард Филлипс Лавкрафт

## Горизонты Аркхема

Howard Phillips Lovecraft

ARKHAM HORIZONS

All the artworks are © Santiago Caruso 2019–2022

© О. Колесников, В. Бернацкая, Д. Афиногенов, С. Лихачева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

# Предисловие Сантьяго Карузо

Следующая далее подборка отрывков имеет целью показать почтительность или неприязнь, которые Лавкрафт испытывал к некоторым городам, городкам и поселкам. Совершая многочисленные путешествия по Массачусетсу (в 1920–1936 гг.) в поисках старинных причудливых построек, архитектурных свидетельств колониальных времен, он описал множество своих впечатлений в письмах, эссе и путевых дневниках.

Благодаря этому внимательный читатель может отследить увлекательную связь между реальными ландшафтами и зданиями и созданной воображением автора местностью вдоль реки Мискатоник: Кингспортом, Данвичем, Иннсмутом и Аркхемом.

Где-то на мрачном горизонте они сливаются.

Однако именно Провиденс, где Г.Ф. Лавкрафт все это замыслил и написал, навсегда останется переходной зоной между реальностью и вымыслом.

Рассказы, собранные в этой книге, дают прекрасное представление как о городских, так и о сельские местностях, из которых Лавкрафт образовал свою *потустороннюю* Новую Англию.

Вместе с книгой «Ужас Данвича» они дают полное представление о так называемой «Стране Лавкрафта».

# **Отрывки из заметок Г.Ф. Лавкрафта о дорожных впечатлениях**

«Прибрежные города поражены недугом перемен и стремления к модернизации. Их странные наросты, архитектурные и топографические, и трансформации демонстрируют угрожающую тиранию техники и производную от нее власть инженерии, которые быстро лишают нынешние места проживания людей всякой связи с их предшествующей историей и отправляют их дрейфовать в чужеродный им океан без якоря и почти без традиций. Мрачные чуждые формы, произошедшие от умонастроений и побуждений, противоположных тем, которые сформировали наше наследие, нескончаемыми потоками проносятся по задымленным и залитым слепящим светом фонарей улицам; такая обстановка склоняет к странному поведению и насаждает странные обычаи. В примыкающей к городам сельской местности хорошо заметны язвы перемен. Водохранилища, рекламные щиты и бетонные дороги, линии электропередач, гаражи и расфуфыренные гостиницы, убогие иммигрантские поселения и грязные поселки при фабриках; это и все подобное привнесло уродство, безвкусицу и обыденность в отбрасываемую городом полутьму. Только в отдаленной лесной глуши мож-

но еще найти незапятнанную красоту, что была характерной для южной части Новой Англии наших предков [...]»

«[...] С таким настроем, смягченным, возможно, созерцанием красоты холмов и излучин рек на подступах к нему, вступает в Вермонт житель южной части Новой Англии. Он уже некоторое время видел из Коннектикута его холмы, куполоподобные и волнообразные, отблескивающие цветом чистейших изумрудов, не обезображенные уродством или паровыми машинами. Затем все вдруг стремительно приближается, и по ту сторону прозрачайшей водной поверхности вырисовываются восходящие террасы старого города, как могла бы открыться любимая, запомнившаяся картинка, когда медленно переворачиваешь страницы детской книги. Сразу же становится ясно, что этот город не вполне похож на те, что остались позади. Крыши, шпили и дымоходы, весьма прозаичные в описании, образуют здесь, на зеленом крутом склоне реки, некое волшебное сочетание, пробуждающее смутные воспоминания.

Что-то в общих очертаниях, что-то в атмосфере здесь способно затронуть глубокие струны чувств, наследственных, если человек молод, или личных, если он стар. Вся эта сцена смутно напоминает о мимолетных особенностях, с которыми мы были знакомы ранее. Когда-то давно мы видели такие города, поднимающиеся от рек в глубоких долинах и воздвигшие свои старые кирпичные стены у покатых, мощеных булыжником улиц. Величия, может, и маловато, но чудо



возрожденного видения явно есть. Здесь живо что-то, умершее уже в других местах; что-то, что мы или наша кровь можем признать более близким к себе, чем оживленный южный космополис. По сути, это сохранившийся фрагмент старой Америки; это то, чем были другие наши города в те дни, когда они были самими собой, в те дни, когда в них жили именно их люди и создавали все те маленькие легенды и крупицы преданий, которые делали эти места очаровательными и значимыми в глазах их детей. Проходя по древнему мосту с крыши и деревянными стенами, мы перемещаемся на десятилетия в прошлое и попадаем в зачарованный город мира наших отцов».

*Из «Вермонт: первое впечатление» (1927)*

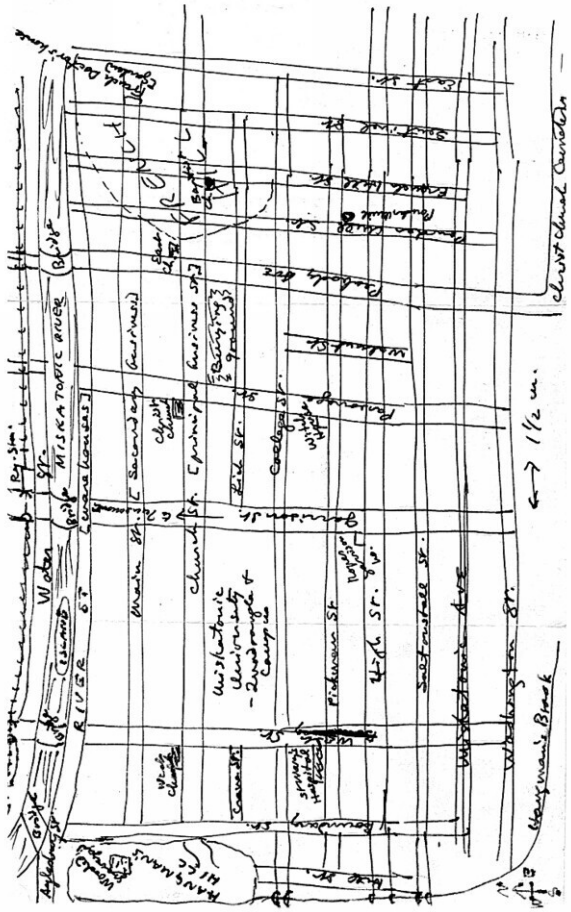
«Что касается декораций для историй – я стараюсь придерживаться реализма настолько, насколько это возможно. Разрушающиеся старые города с извилистыми улочками и домами возрастом от 100 до 250 и более лет – реальность побережья Новой Англии. В Провиденсе сохранились несколько домов, построенных в 1750 году и около того; тот, в котором я живу, построен 130 лет назад. Самый старый дом Бостона датируется 1676 годом; в Хливерхилле есть дом, построенный в 1640 году, и так далее. Мой придуманный „Кингспорт“ – своего рода идеализированная версия Марблхеда в Массачусетсе, тогда как мой „Аркхем“ более или менее происходит от Салема, хотя в Салеме нет колледжа.

„Иннсмут“ – сильно искаженная версия Ньюберипорта, штат Массачусетс. Я надеюсь, что когда-нибудь вы сможете увидеть некоторые из этих старых городов – они мое главное хобби».<sup>1</sup>

*Из письма к Эмилю Петайя (декабрь 1934)*

---

<sup>1</sup> На следующем рисунке: Карта главной части Аркхема, шт. Массачусетс. Нарисована Г. Ф. Л. в начале 1934 г. Впервые опубликована в фэнзине The Acolyte, Vol. 1, No. 1.



← 1 1/2 mi.

Christ Church Cathedral

St. Mary's Brook

«Сегодня я любитель древностей из Новой Англии, „не более того“, и мой главный интерес в жизни – исследовать старые города и выискивать сохраняющие дух старины улочки и колониальные резные входные двери. Все мои свободные деньги уходят на поездки в старые города, такие как Ньюпорт, Конкорд, Салем, Марблхед, Портсмут, Плимут, Бристоль и им подобные, а если выезжаю за пределы Новой Англии, то всякий раз это место, где сохранившаяся архитектура и местность в целом позволяют мне вновь окунуться в колорит восемнадцатого века; мои любимые „зарубежные“ города – это Филадельфия и Александрия. Соединяя эту страсть к старине с фантастическим воображением, вы сможете понять, как рождаются такие истории, как „Праздник“ или „Усыпальница“.

[...] Что касается „Неименованного“ – вы правы, предполагая, что в этом рассказе есть весьма мрачная фантастическая основа. [...] Раскрывая некоторые подробности, сообщая, что я использовал пару подлинных суеверий старой Новой Англии – одно из них, о лицах уходящего поколения, прикованных к окнам, мне рассказали лично, и в подлинности этого не сомневалась высокоинтеллектуальная пожилая леди, имеющая на своем счету успешный роман и другие вполне заметные литературные работы. Живые обитатели – как правило безумные или слабоумные члены семьи, таящиеся на чердаках или в потайных комнатах старых до-

мов, — это буквально реальность, или, по крайней мере, были таковой в сельской местности Новой Англии. Кто-то рассказывал мне, как много лет назад остановился в стоящем на отдалении фермерском доме в связи с каким-то поручением в тех краях и оказался напуган почти до смерти, когда, открыв раздвижную панель в кухонной стене, увидел в проеме самое ужасное лицо, покрытое засохшей грязью и со спутанной бородой, какое, по его мнению, когда-либо могло существовать! Конечно, элементы сурового, гротескного ужаса в изобилии встречаются в лесной глуши Новой Англии, где дома расположены очень далеко друг от друга, а у людей с неразвитыми умом и психикой слишком много возможностей месяц за месяцем предаваться размышлениям в одиночестве».

*Из письма Бернарду Остину Двайеру (июнь 1927 г.)*

«Родной дом — это то место, где бесчисленные воздействия, зрительные и звуковые, оказываемые на добрую половину моих предков в течение трехсот лет и на меня на протяжении всей моей жизни, начиная с детских воспоминаний, мало-помалу влияли на мою зародышевую плазму, формировали мой дух и создали из бесформенной протоплазмы ту индивидуальную сущность, которой я являюсь. Ибо что такое любой человек, как не отпечаток его дома и родословной? Что есть в нас такого, что помещено туда не нашим прошлым? Воистину, ни один человек не может быть самим

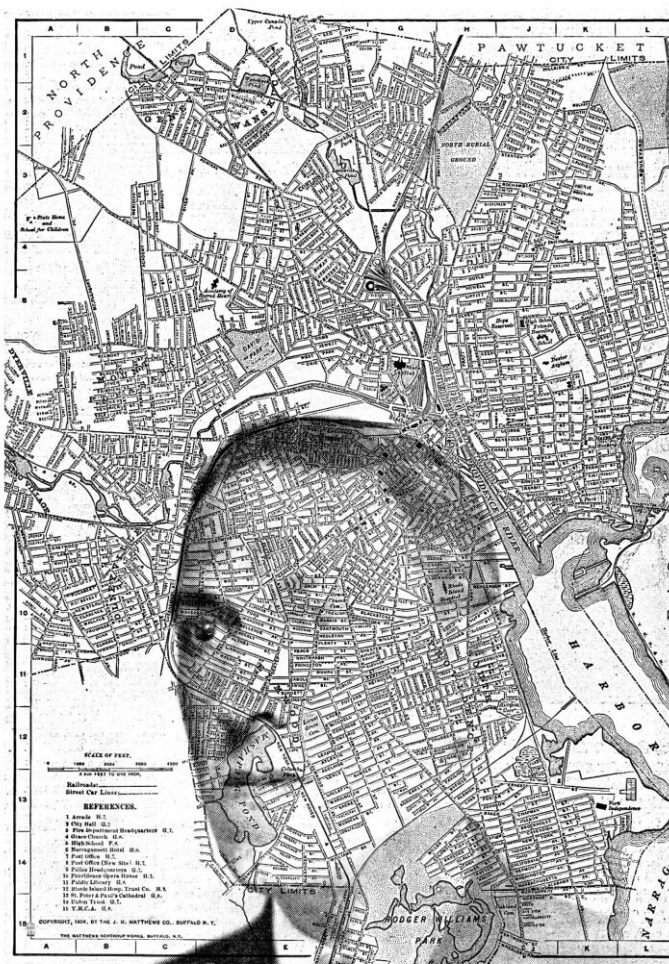
собой нигде, кроме как в окружении той обстановки, которая сформировала его и его предков; и я никогда не смогу надеяться обрести надежный покой там, где рядом не будет древних памятников зеленолиственного Провиденса, оседлавшего холмы, – Провиденса со старыми кирпичными тротуарами, георгианскими шпилями и извилистыми улочками на холмах, а также солеными ветрами, дующими от ветхих причалов, у которых покачиваются на якорях корабли из былого с грузами из дальних стран. Провиденс – это я, и я – это Провиденс. Единое и неразделимое! Итак, после всех моих странствий я вернулся к чуду и красоте, более великим и неизменно более загадочным, чем те, которых искал в далеких портах или находил среди чудес под крышами домов чужаков и в экзотических горных странах».

*Из «Наблюдений в нескольких частях Америки» (1928)*

«Я совершенно уверен, что никогда не смогу адекватно объяснить ни одному другому человеческому существу точные причины, почему продолжаю воздерживаться от самоубийства, то есть почему все еще нахожу в существовании достаточную компенсацию его крайней обременительности. Причины эти имеют глубокую связь с окружающей архитектурой и вообще местностью вокруг, световыми и атмосферными эффектами и принимают смутную форму предвкушения приключений в сочетании с ускользающими воспоминаниями. Ощущается, что определенные вереницы воспоми-

наний, особенно те, что связаны с закатами, это пути приближения к областям или условиям совершенно неизъяснимых наслаждений и свобод, которые мне довелось познать в прошлом и которые имею слабую надежду познать снова в будущем».

*Из письма к Августу Дерлету (декабрь 1930)*





# Заброшенный дом

*Провиденс*

## I

Даже в самых кошмарных событиях обычно таится ирония. Иногда она вплетена в сам их ход, а иногда лишь подчеркивает элемент случайности в связях людей и мест. Именно этот последний вариант видим в случае с Эдгаром Алланом По. В конце сороковых годов прошлого века он, безуспешно ухаживая за талантливой поэтессой миссис Уайтмен, частенько посещал старинный город Провиденс. Писатель всегда останавливался в Мэншен-хаус на Бенифит-стрит – бывшей гостинице «Золотой шар», под крышей которой в свое время находили приют Вашингтон, Джефферсон и Лафайет, а его излюбленный путь к жилищу дамы его сердца пролегал по улице, над которой раскинулось на холме кладбище Святого Иоанна, чьи сокрытые зеленью от досужего взора надгробия обладали для него особой притягательностью.

Вы спросите, в чем же заключалась ирония? А в том, что на своем пути этот непревзойденный певец загадочного и сверхъестественного много раз проходил мимо одного дома,

расположенного на восточной стороне улицы, – прилепившегося на крутом склоне холма, невзрачного с виду старомодного особняка, утопающего в огромном запущенном саду, разбитом еще в незапамятные времена. Эдгар По никогда не писал и не упоминал в своих беседах об этом доме, вероятно, вообще не обратил на него внимания. А ведь по крайней мере у двух людей есть неоспоримые доказательства, что тайна дома не уступает, а может, и превосходит по своей кошмарной сути взлеты самой изощренной фантазии не раз проходившего мимо него гения. Сам же дом и поныне мрачно возвышается как материальный символ зла.

Этот особняк привлекал внимание любопытных и в старые, и в нынешние времена. Первоначально задуманное как фермерское жилище середины восемнадцатого века, двухэтажное строение отражало вкусы зажиточных колонистов Новой Англии – островерхая крыша, глухая мансарда, портик в георгианском стиле и внутренние помещения, обшитые панелями (последнее диктовалось изменившимися представлениями о красоте интерьера). Фронтон дома смотрел на юг, восточная стена зарывалась в холм – вплоть до нижних окон, а западная выходила на улицу. Такое местоположение обуславливалось сто пятьдесят лет назад нуждами времени: требовалось выровнять улицу. Ведь Бенифит-стрит (прежде она именовалась Бэк-стрит) некогда была извилистой тропой между захоронениями первых поселенцев. Перемены стали возможны только после перенесе-

ния останков колонистов на Северное кладбище, и вот тогда, не боясь уже оскорбить чувства потомков, улицу начали выравнивать.

Прежде западная стена дома начиналась на высоте двадцати футов от тропы, но во времена Революции, когда улицу стали расширять, часть земли срыли, обнажив фундамент строения. Хозяевам пришлось облицевать подвальную стенку кирпичом, а из самого подвала сделать выход на улицу. Тогда же в подвале появились и два оконца. А когда сто лет назад потребовалось проложить тротуар, срыли еще немного земли, и Эдгар По в своих прогулках мог уже видеть только выходящую на улицу темную кирпичную стену – корпус же самого дома старинной кладки начинался лишь на высоте десяти футов.

Прилегающий к дому сад взбегал по холму вверх, раскинувшись довольно далеко и почти достигая Уитон-стрит. Та его часть, что выходила на Бенифит-стрит, была значительно выше самой улицы. От нее сад отделяла отсыревшая и заросшая мхом высокая каменная стена с пробитой в ней крутой лестницей, ведущей мрачными переходами в верхнюю часть участка с неподстриженными лужайками и развесистыми деревьями. Унылая картина разбитых урн, проржавевших котелков, свалившихся с треног, сооруженных из сучковатых палок, и прочих неожиданных вещей дополнялась жалким зрелищем обветшалой двери с разбитым веерообразным окошком, сгнившими ионическими пилястрами и

источенным червями треугольным фронтоном.

В годы своей юности я, помнится, слышал разговоры, что в этом доме слишком часто умирали люди. Именно поэтому первые хозяева дома, прожив в нем двадцать лет, переехали в другое жилище. Место, очевидно, было нездоровым. Возможно, причина крылась в сыром подвале, заросшем грибовидной растительностью, откуда гнилостный запах разносился по всему дому, а может, вину следовало искать в гуляющих по коридорам сквозняках или в колодезной воде. Именно эти пагубные обстоятельства назывались моими близкими в первую очередь. Только годы спустя я нашел в записных книжках моего дяди, доктора Илайхью Уиппла, знатока древностей, упоминание о смутных подозрениях, которыми делились по секрету между собой старые слуги и прочая челядь. Догадки эти никогда широко не распространялись и были почти забыты ко времени, когда Провиденс стал крупным городом со множеством пришлых людей.

О привидениях речи не было. Никогда я не слышал от старожилков рассказов о бряцающих цепях, ледяных порывах ветра, внезапно задутых свечах или незнакомых лицах в окне. Самые дошлые иногда поговаривали, что дом-де «нечист», но дальше этого не шли. Одно было несомненно: люди здесь умирают много чаще, чем во всей округе, точнее сказать, умирали: шестьдесят лет назад при неких не совсем обычных обстоятельствах дом опустел, и с тех пор не находи-

лось охотников поселиться в нем. Скончавшиеся здесь люди не являлись жертвами какого-то рокового случая: скорее, их что-то долго и методично подтачивало, и тот, в ком жизненных сил было меньше, уходил первым. Из выживших же все поголовно страдали явно выраженной анемией или чахоткой, а некоторые и психическими расстройствами. Все это говорило о неблагоприятной для здоровья атмосфере жилища. Ничего подобного, к слову сказать, не замечалось в соседних домах. Вот, пожалуй, и все сведения, которыми я располагал к тому моменту, когда мой дядя после долгих упрасиваний с моей стороны извлек наконец из своих тайников собранные им материалы – шаг, положивший начало нашему опасному расследованию.

В мои детские годы этот особняк, окруженный корявыми бесплодными деревьями, уже пустовал. В поднимающемся террасами саду, куда никогда не залетали птицы, росла бледная, на редкость высокая трава и причудливо изогнутые сорняки. Мальчишками мы частенько забегали сюда, и я до сих пор не могу забыть свой детский страх, вызванный не столько странной деформированностью растений, сколько общей зловещей атмосферой и мерзким запахом. Он шел из обветшавшего дома, куда мы иногда, влекомые непреодолимой жаждой неведомого, с опаской проникали через незапертую дверь. В этих стенах, обшитых ветхими панелями, витал дух запустения: оконные стекла были разбиты, ставни расшатаны, обои отклеились, отовсюду сыпалась штука-

турка, ступеньки отчаянно скрипели под ногами, а то немного, что осталось из мебели, уже ни на что не годилось. Пыль и паутина довершали эту мрачную картину, и потому мальчишка, который решался подняться на чердак, считался отчаянным смельчаком. Когда-то в это просторное помещение с высокими стропилами, освещаемое лишь двумя маленькими тусклыми оконцами, сваливали без разбора всякую рухлядь: сломанные стулья, сундуки, прялки. Теперь за давностью лет все это превратилось в какое-то бесформенное месиво, в адский бедлам.

И все же чердак вряд ли являлся самым зловещим местом в доме. Им был, несомненно, холодный подвал, попав в который мы не могли унять дрожь. Даже сознание того, что он находится не под землей, а на уровне улицы, и за кирпичной стеной с тонкой дверцей и небольшим окошком шумит жизнь, не спасало нас от жгучего страха. Мы никак не могли решить для себя, заглядывать ли сюда почаще в надежде увидеть привидения или, напротив, совсем не показываться, зато спасти тело и душу. В подвале гнилостный запах ощущался сильнее, а кроме того, нам был неприятен вид бледной грибообразной поросли, которая особенно буйно разрасталась в дождливую летнюю погоду. Она чем-то напоминала сорняки в саду и имела преотвратный вид, карикатурно походя на поганки или трубки индейцев. Ничего подобного мы нигде больше не встречали. Эти растения, сгнивая, начинали слабо фосфоресцировать, и те, кто проходил мимо дома но-

чью, потом божились, что видели, как за разбитыми стеклами окон плясали дьявольские огоньки, а зловоние было особенно ощутимо.

Мы никогда, как бы нам ни хотелось, не осмеливались наведываться в подвал ночью, но иногда, если день был пасмурный и дождливый, тоже наблюдали свечение. Кроме того, в подвале было нечто такое, о чем мы никогда не могли с уверенностью сказать, не померещилось ли оно нам. Я говорю о неясном беловатом наросте на грязном полу, смутном, расплывчатом узоре из плесени, который мы различали у основания печи, где поросль редела. Иногда этот узор напоминал по форме скорченную человеческую фигуру, потом сходство уменьшалось и исчезало совсем. Часто не различался и сам нарост. После одного дождливого дня, когда человеческие очертания проступили на полу особенно отчетливо и от плесени по направлению к дымоходу потянулось, как мне почудилось, легкий желтоватый дымок, я рассказал обо всем дяде. Он счел, что у меня разыгралось воображение, и даже посмеялся, но потом задумался. Позже я узнал, что в некоторых самых невероятных из всей череды преданий говорилось о взмывавшем иногда из трубы дыме, принимавшем отвратительные, звероподобные формы. Эти гнусные очертания воспроизводили и корни мрачных деревьев, пробивавшиеся сквозь толщу камня в подвал.

## II

Когда я достиг совершеннолетия, дядя ознакомил меня со своими записями и документами, касавшимися заброшенного особняка. Доктор Уиппл относился к здравомыслящим врачам старой школы и, несмотря на свой ярко выраженный интерес к тайне пресловутого дома, не торопился направить юношескую любознательность на столь рискованный объект. Сам он, впрочем, был уверен, что вся тайна сводится к нездоровым природным условиям и качеству строительства, но опасался, что многочисленные загадочные подробности, столь заинтересовавшие его самого, могут потрясти мое воображение и вызвать самые непредсказуемые реакции.

Доктор – седовласый, всегда чисто выбритый джентльмен – был старым холостяком. Он проявлял глубокий интерес к истории нашего края и настолько преуспел в этом, что неоднократно вступал в полемику с такими учеными мужами, как Сидни С. Райдер и Томас У. Бикнелл. Он жил со своим единственным слугой в георгианском коттедже с дверным молотком и обитыми железом перилами, примостившемся у того самого места, откуда Норт-Корт-стрит уходила вверх. С коттеджем соседствовали старинное кирпичное здание суда и дом, прежде принадлежавший колониальному управлению, где дед доктора – двоюродный брат прославленного капитана Уиппла, спалившего в 1772 году «Гаспи», боевой ко-



рабль Его Величества, – проголосовал за независимость Род-Айленда. В библиотеке – сыроватой комнате с низким потолком, стенами, обшитыми белыми панелями, на каминном с затейливой резьбой и увитыми виноградом окнами – хранились семейные реликвии и бумаги. В некоторых встречались упоминания о заброшенном доме на Бенифит-стрит, таящие намеки на нечто таинственное. Это проклятое место находилось неподалеку от коттеджа: Бенифит-стрит начиналась сразу за зданием суда и шла вдоль холма, на котором строили свои дома первые колонисты.

Наконец мои неустанные расспросы возымели действие. Дядя решил, что, повзрослев, я имею право знать правду, и ознакомил меня с весьма странными обстоятельствами, касаемыми этого дома. Как показывала объективная статистика, за все время его существования жизнь обитавших в нем людей непрерывно подвергалась воздействию некой злой и разрушительной силы. Это открытие произвело на меня куда большее впечатление, чем на доброго дядюшку. Собранные вместе, отдельные случаи и некоторые вроде бы незначительные эпизоды наводили на ужасные предположения. Мною снова овладело жгучее, неумное любопытство, по сравнению с которым мой детский интерес казался обычной в этом возрасте любознательностью. Первые догадки привели впоследствии к долгому и изнурительному изучению документов и наконец – к фатальному расследованию, которое так дорого обошлось мне и моей семье. Ведь дядя, конечно же,

присоединился к начатым мною розыскам, и после одной ночи, проведенной вместе в проклятом доме, я вышел оттуда один. Как недостает мне теперь этого доброго человека, в течение долгих лет бывшего в моих глазах образцом чести, добродетели, хорошего вкуса, доброжелательности и образованности. В память о нем я воздвиг мраморное изваяние на кладбище Святого Иоанна, где так любил бродить Эдгар По. Этот погост, ограниченный с одной стороны вековой церковушкой, а с другой – домами и оградительными стенами Бенифит-стрит, по сути, представляет собой тихую укромную рощицу из раскидистых ив, где мирно жмутся друг к другу могилы и родовые склепы.

Изучая историю дома и сопоставляя отдельные события и даты, мы не обнаружили ничего необычного и тем более ужасного ни в обстоятельствах его строительства, ни в личностях первых владельцев, принадлежавших к богатому и уважаемому семейству. Однако с самого начала в доме ощущалось присутствие неопределенной опасности, которая вскоре осязаемо себя проявила. Собранные дядей по крупицам сведения восходили к постройке дома в 1763 году и довольно подробно прослеживали все дальнейшие события. Его первыми хозяевами были Уильям Хэррис и его жена Роби Декстер. С ними также жили их дети: Элкана, родившаяся в 1755 году, Абигайл – в 1757-м, Уильям-младший в 1759-м, и Руфь – в 1761-м. Слывший состоятельным купцом и искусным мореплавателем, Хэррис совершал по поручению фир-

мы «Обадыя Браун и племянники» деловые вояжи в Вест-Индию. После смерти Брауна в 1761 году глава новой фирмы, «Николас Браун и К°», доверил ему бриг «Пруденс» водоизмещением 120 тонн, построенный тут же, в Провиденсе. Повышение по службе позволило Хэррису наконец исполнить давнишнюю свою мечту, укрепившуюся после женитьбы, и выстроить собственный дом.

Для особняка он выбрал живописное место на недавно выровненной и потому считавшейся престижной Бэк-стрит; улицу проложили вдоль холма, и она довольно высоко поднималась над плотно застроенным бедняцким районом. Дом вполне соответствовал красоте места, впрочем, ничего лучшего, учитывая весьма скромные накопления, выстроить было просто нельзя. Поэтому понятна та торопливость, с какой Хэррис поспешил въехать в новое жилище, тем более что семья ждала пятого ребенка. Но родившийся в декабре мальчик оказался мертвым. С тех пор в течение ста пятидесяти лет ни один ребенок не родился в этом доме живым.

В апреле следующего года дети Хэррисов заболели неизвестной болезнью, и еще до конца месяца Руфь и Абигайл скончались. По мнению доктора Джоуба Айвза, девочки умерли от лихорадки, но другие специалисты утверждали, что смерть наступила в результате истощения и резкого упадка сил. Болезнь была, по-видимому, заразной, так как в июне Ханна Бауэн, служанка, скончалась от недомогания со сходными симптомами. Другой слуга, Эли Лайдисон, посто-

янно жаловался на слабость и хотел было вернуться в Рибот, на ферму отца, но помешала его внезапная страсть к Митабел Пирс, взятой на место Ханна. Он умер на следующий год, оказавшийся поистине трагическим: тогда же скончался и сам Уильям Хэррис, подорвавший свое здоровье, как все полагали, на Мартинике, где он подолгу находился в последние годы.

Овдовевшая Роби Хэррис так никогда и не оправилась от потери любимого мужа, а смерть старшей дочери, Элканы, нанесла последний удар по ее рассудку. В 1768 году у нее появились первые признаки помешательства, и тогда вдову пришлось перевести на второй этаж, ограничив ее передвижения по дому. Заботы о семье взяла на себя ее старшая незамужняя сестра, простоватая Мерси Декстер, перебравшаяся на Бенифит-стрит. Природа наделила сухопарую Мерси недюжинным здоровьем, которое, впрочем, после переезда заметно пошатнулось. Она была очень привязана к своей несчастной сестре и обожала племянника Уильяма – единственного из детей, кто остался в живых, хотя и превратился из бывшего крепыща в болезненного, непропорционально высокого и худого подростка. В том же году умерла служанка Митабел, а другой слуга, Презервид Смит, попросил расчет, не дав по этому поводу никаких вразумительных объяснений, а только бормоча нечто невнятное и все время повторяя, что в доме премерзкий запах. Мерси с трудом нашла новых слуг: семь смертей и сумасшествие, поразившие се-

мью всего лишь за пять лет, могли хоть кого отпугнуть. Кроме того, по городу поползли разные слухи, обросшие со временем совсем уж фантастическими подробностями. Наконец ей удалось заполучить людей со стороны: угрюмую Энн Уайт, родом из той части Северного Кингстауна, которая теперь именуется Эксетером, и ловкого бостонского малого по имени Зенас Лоу.

Именно Энн Уайт впервые открыто заговорила о том, о чем шептались в городе. Мерси не стоило нанимать прислугу из такого Богом забытого местечка, как Нусек-Хилл, слывшего тогда, как, впрочем, и теперь, рассадником самых невероятных поверий и предрассудков. Если не далее как в 1892 году жители Эксетера эксгумировали труп и торжественно сожгли извлеченное из него сердце, дабы воспрепятствовать мнимым ночным хождениям покойника, якобы наводившего порчу на горожан, то можно себе представить, с какой силой могло разыгаться воображение их предков в середине восемнадцатого века. У Энн был острый язычок, и спустя несколько месяцев Мерси пришлось расстаться с ней, взяв на ее место преданную и добродушную Марию Роббинз, мужеподобную амазонку из Ньюпорта.

Тем временем несчастную, полностью впавшую в безумие Роби Хэррис мучили сны и видения, о кошмарности которых можно было судить хотя бы по ее отчаянным воплям. Иногда истерические крики больной – свидетельство переживаемого ею ужаса – становились совершенно непереносимы, и

тогда Уильяма забирал на время к себе его кузен Пелег Хэррис, живший на Пресбитериен-лейн, неподалеку от нового здания колледжа. Здоровье мальчика там сразу же улучшалось, и будь Мерси столь же мудра, как добродетельна, то позволила бы ему поселиться там насовсем. К сожалению, не осталось подробных сведений о том, что именно выкрикивала миссис Хэррис в приступах безумия, но дошедшее до нас представляется на редкость абсурдным. Ну разве можно поверить, что женщина, знавшая лишь несколько французских слов, могла часами ругаться на этом языке, прибегая к идиоматическим выражениям, известным лишь исконным французам? И чего стоили ее странные жалобы на некую ужасную тварь, пытавшуюся кусать и жевать ее, если она находилась под постоянным присмотром? В 1772 году умер Зенас, и миссис Хэррис, услышав об этом, засмеялась с видимым удовольствием, что было совсем на нее не похоже. А на следующий год и она отошла в мир иной и теперь покоится на Северном кладбище рядом со своим мужем.

Когда в 1775 году начались трения с Великобританией, Уильям Хэррис, несмотря на свои неполные шестнадцать лет, записался добровольцем в армию генерала Грина и за несколько лет значительно преуспел и в здоровье, и в чинах. В 1780 году он служил уже капитаном в войсках Род-Айленда под командованием полковника Энджелла, там, в Нью-Джерси, познакомился с Феб Хетфилд родом из Элизабет-тауна, женился на ней и на следующий год, вернувшись

с триумфом в Провиденс, привез с собой и юную жену.

Однако возвращение молодого воина не превратилось в сплошной праздник. Дом, правда, находился в отличном состоянии, а улицу расширили, переименовав в Бенифит-стрит. Однако тетушка Мерси заметно сдала – от ее бывлой крепости не осталось и следа. Уильяма встретила скрюченная жалкая старушка с безжизненным голосом и бледным как смерть лицом. Похожие перемены произошли и с единственной не покинувшей семейство служанкой, Марией. Осенью 1782 года Феб Хэррис родила мертвую девочку, а пятнадцатого мая следующего года добродетельная Мерси Декстер, прожив жизнь в самоотверженном труде и заботах о близких, оставила этот мир.

Тогда-то Уильям, полностью уверовавший в нездоровый климат своего жилища, решил навсегда покинуть его. Временно сняв для себя и жены номер в только что открывшейся гостинице «Золотой шар», он затеял строительство более благоустроенного дома на Уэстминстер-стрит, в новом городском районе за Большим мостом. Там в 1785 году родился его сын Дьюти, после чего семья благополучно жила в этом доме до того времени, когда интересы коммерции заставили их перебраться ближе к прежним местам и поселиться в новой части восточного квартала, на проложенной вдоль холма Энджел-стрит. Именно там, где впоследствии, в 1876 году, покойный Арчер Хэррис воздвиг свой пышный, но безвкусный особняк с мансардой. В 1797 году Уильям

и Феб скончались во время эпидемии желтой лихорадки, а Дьюти взял на воспитание его двоюродный брат Ратбоун Хэррис, сын Пелега.

Ратбоун был человек деловой и поспешил сдать дом н Бенифит-стрит внаем, несмотря на желание Уильяма, чтобы дом пустовал: он считал своим долгом сделать все, чтобы увеличить состояние подопечного. Ратбоун и впредь не озадачивался большим количеством смертей и болезней в доме, из-за которых там часто сменялись жильцы, а также растущей недоброй славой особняка. Похоже, он чувствовал только раздражение, когда в 1804 году городской совет обязал его обработать дом серой, дегтем и нафталином после очередных четырех смертей, о которых много говорили в городе, и не верил, что причиной их была все та же эпидемия лихорадки, уже сходившая на нет. По мнению же совета, о наличии источника инфекции говорил стоявший в доме гнилостный запах.

Самого Дьюти мало заботила его собственность: он вырос, стал морским офицером и проявил себя наилучшим образом в войне 1812 года, служа на судне «Виджилент» под командованием капитана Кехуна. С войны он вернулся в добром здравии, в 1814 году женился и стал отцом в ту незабываемую ночь двадцать третьего сентября 1815 года, когда в заливе бушевал невиданной силы шторм. Затопив полгорода, он вынес на улицы сторожевой шлюп, мачты которого уперлись прямо в окна дома Хэррисов на Уэстминстер-стрит, как



бы символически подтверждая, что новорожденный Уэлком — сын моряка.

Уэлком погиб с честью у Фредерикберга в 1862 году, уйдя из жизни раньше своего отца. Ни он, ни его сын Арчер не были знакомы со страшной историей дома, относясь к нему просто как к неудачной собственности, которую трудно сдать из-за вечной сырости и гнилостного запаха, неудивительно-го в таком неухоженном и старом жилище. После нескольких смертей, следовавших одна за другой (кульминацией в количественном их нарастании стал 1861 год), дом никогда уже больше не сдавался, и только бурные события начавшейся войны заставили горожан позабыть обстоятельства этих зловещих кончин. По разумению Кэррингтона Хэрриса, последнего в семье представителя мужской линии, дом был заброшенным родовым гнездом, обросшим за долгое время множеством живописных легенд. Когда я поделился с ним жутким знанием, он хотел было тут же снести особняк и выстроить на освободившемся месте гостиницу. Но после того, как я открыл ему *всё*, он решил сохранить дом, провести водопровод и попробовать снова сдать его. Желаящие поселиться нашлись тут же, и ужасные события были забыты.

### III

Можно себе представить, как потрясла меня хроника семьи Хэррисов. Уйдя с головой в эти записи, я прямо-таки

непосредственно ощущал присутствие там непостижимого, чудовищного зла, равного которому я не знал в природе. И связано оно было не с семьей, а с домом. Это мое впечатление подкреплялось множеством документальных свидетельств, обстоятельно собранных дядей, рассказами слуг, вырезками из газет, копиями медицинских свидетельств о смерти и тому подобным. Я не могу, разумеется, привести здесь все документы: дядя, страстный коллекционер по натуре, глубоко заинтригованный историей заброшенного дома, собрал их изрядное количество. Но кое-что повторялось во многих источниках, и вот об этом-то следует упомянуть. Из рассказов слуг, например, выходило, что злая сила таилась в смрадном, заросшем грибковой плесенью подвале. Некоторые слуги, особенно Энн Уайт, вообще избегали туда заглядывать. И еще: по меньшей мере в трех обстоятельных версиях упоминались корни деревьев и плесенные наросты, в дьявольских очертаниях которых угадывались искаженные формы человеческих фигур. Эти рассказы меня особенно заинтересовали, так как и я видел в детстве нечто подобное, хотя у меня было чувство, что каждый рассказчик привносил в историю колорит своего родного фольклора.

Энн Уайт, с ее эксстерскими предрассудками, предлагала самую экстравагантную и одновременно самую логичную версию. Она утверждала, что под домом похоронен один из тех вампиров, которые, чтобы сохранить свою плоть, должны пить кровь и красть дыхание у живых людей. Именно с

этой целью ужасные полчища мерзких созданий бродят по ночам в виде привидений или прикидываясь людьми. Энн требовала поскорее взяться за поиски в подполе гнусной могилы, и эта ее упрямая настойчивость стала одной из причин, по которой с ней предпочли расстаться.

Ее рассказы пользовались, однако, большим успехом у соседок, оно и понятно – дом и вправду стоял на земле, где когда-то было кладбище. Это обстоятельство, хоть и весьма существенное, было для меня все же не столь важно рядом с другим: предположения Энн подтверждались жалобами Презервида Смита, слуги, уволившегося до прихода Энн и знать ее не знавшего. Смит утверждал, что кто-то по ночам «высасывает из него силы». Как тут не вспомнить свидетельства, подписанные доктором Чэдом Хопкинсом, о смерти четырех людей, скончавшихся якобы от желтой лихорадки в 1804 году! В них тоже говорилось о патологическом малокровии жертв. И несчастная Роби Хэррис кричала в бреду о некоем призрачном существе с остекленевшими глазами и острыми клыками.

Хотя я с предубеждением отношусь к разного рода предрассудкам, но здесь стоило призадуматься, особенно после знакомства с двумя газетными заметками разных лет, в которых говорилось о странных смертях в заброшенном доме. В статье из «Провиденс газетт энд кантри» от 12 апреля 1815 года и в другой – из «Дейли транскрипт энд кроникл» от 27 октября 1845 года – сообщалось о поразительно похожих,

приводящих в содрогание случаях. Казалось, что описывалась одна и та же кончина. И благочестивая пожилая леди Стэффорд, почившая в 1815 году, и школьная учительница Элизар Дюрфи перед самой агонией чудовищным образом преображались: взгляд их стекленел, а при осмотре они старались впиться зубами в горло врача. Еще более удивительные обстоятельства сопутствовали той череде смертей, после которых дом на Бенифит-стрит навсегда опустел. Больные теряли рассудок, а потом стремительно погибали от прогрессирующей анемии. Впав в безумие, они покушались на жизнь близких, изобретательно изыскивая возможность вцепиться зубами им в горло или запястье.

Мой дядя занялся врачебной практикой то ли с 1860, то ли с 1861 года и уже тогда слышал об этих таинственных случаях от старших коллег. Самым необъяснимым в них представлялось то, что жильцы (а последние годы дом снимали неграмотные, темные люди – чистую публику отпугивали мерзостный запах и плохая репутация дома), не знающие ни слова по-французски, заболевая, проклинали всех и вся именно на этом языке. Как тут было не вспомнить бедную Роби Хэррис, скончавшуюся почти столетие назад! На дядю произвело сильное впечатление все услышанное, и, вернувшись с фронта, он занялся сбором информации о странных смертях в заброшенном доме, в чем ему очень помогли доктора Чейз и Уитмарш, давшие, как говорится, сведения из первых рук. Дядя много и серьезно размышлял над этим фе-

номеном и был несказанно рад моему неподдельному интересу: теперь ему было с кем обсуждать то, над чем посмеивались другие. Он не обладал моей пылкой юношеской фантазией, но опыт подсказывал ему, что таинственное место способно воспламенить воображение и превосходит все известное в области таинственного и ужасного.

Я же отнесся ко всему исключительно серьезно и, не желая ограничиваться пассивной ролью слушателя, старался сам добыть новые сведения. Беседуя много раз с престарелым владельцем заброшенного дома Арчером Хэррисом вплоть до его смерти в 1916 году, я получил от него, а также от незамужней сестры Арчера Алисы, здравствующей и ныне, подтверждение собранной дядей информации. На мой вопрос, что могло связывать дом с Францией, оба недоуменно молчали. Арчер вообще ничего не знал, а мисс Хэррис в конце концов припомнила, как ее дед, Д्यूти Хэррис, что-то такое рассказывал. Старый моряк, переживший на два года своего сына Уэлкома, павшего в сражении, не знал всей легенды полностью, но вспоминал, как его старая няня, Мария Роббинз, говорила о бредовых выкриках на французском языке Роби Хэррис, за которой ухаживала до самой ее кончины. Мария жила в доме Хэррисов с 1769 по 1783 год в пору, когда семья окончательно покинула опасное жилище, и присутствовала при смерти Мерси Декстер. Как-то она упомянула малолетнему Д्यूти о странном поведении Мерси в ее последние минуты, но он вскоре все забыл, помня

только, что речь шла о какой-то дикости. Впрочем, даже эти, крайне неопределенные, подробности внушка Дьюти вспомнила с большим трудом. И она, и ее брат мало интересовались историей дома, в отличие от нынешнего его хозяина — Кэррингтона Хэрриса, сына Арчера, которому я без утайки рассказал о жутком нашем расследовании.

Собрав всю доступную информацию о семействе Хэрри-сов, я стал внимательно изучать документы, относящиеся к прошлому города, занимаясь с захватывающим интересом тем, чему дядя не уделил должного внимания. Мне хотелось составить связное представление об истории поселения начиная с 1636 года, а может, и с более ранних времен, если посчастливится разыскать индейские легенды, бытовавшие в районе Наррагансетского залива. Я узнал, что земля, на которой впоследствии построили дом, была частью протянувшегося вдоль побережья владения, пожалованного в свое время Джону Торкмортону. Земли, дарованные другим колонистам, начинались также недалеко от реки, где теперь протекает Таун-стрит, и тянулись вверх по холму в направлении нынешней Хоуп-стрит. Земли Торкмортонов, по мере разрастания рода, дробились, и мне надлежало установить, к кому же перешел злосчастный участок на Бэк-стрит, или, что то же самое, на Бенифит-стрит. По слухам, там располагалось кладбище рода Торкмортонов, но, порывшись в старых бумагах, я выяснил, что их останки со временем перезахоронили на Северном кладбище, близ дороги на Потакен-Уэст.

Затем я наткнулся на документ – надо сказать, по чистой случайности, так как он лежал отдельно от всех остальных, – который возбудил мое острейшее любопытство: документ прояснял наиболее странные обстоятельства дела. Это была запись о сдаче в аренду Этьену Руле и его жене в 1697 году небольшого участка земли из владения Торкмортонов. Вот он, французский элемент! Я начал досконально изучать расположение отдельных участков перед тем, как проложили, а затем и выровняли Бэк-стрит, то есть за 1747–1758 годы, и тут на меня дохнуло ужасом, пожалуй, не меньшим, чем с самых зловещих страниц когда-либо читанных оккультных книг. То, что я подсознательно уже знал, подтвердилось: там, где теперь стоял заброшенный дом, было кладбище семейства Руле; оно непосредственно примыкало к их жилищу – одноэтажной постройке, и не существовало никаких свидетельств, что останки захороненных там людей куда-либо переносились. Так как из найденного мною документа ничего более нельзя было извлечь, мне пришлось перерыть всю Историческую библиотеку Род-Айленда, а затем и Библиотеку Шепли, прежде чем я выяснил, кто же такие были эти Руле.

Семейство Руле прибыло в наши места, как выяснилось, из Ист-Гринвича, расположенного на западном берегу Наррагансетского залива. Власти Провиденса долгое время колебались, разрешить ли этим гугенотам из Кода обосноваться в городе. В Ист-Гринвиче, куда Руле приехали после отмены Нантского эдикта, их недолюбливали. Эта неприязнь

проистекала, по слухам, не из расовых или национальных предрассудков и не из-за споров о земле – вечном поводе для раздоров между французскими и английскими колонистами, которые не смог притушить даже губернатор Эндрос. Но, учтя их стойкую приверженность к протестантизму, слишком уж яростную, по мнению некоторых, – а также их неподдельную скорбь по утраченному домашнему очагу, которого их практически насильственно лишили, власти даровали им приют в Провиденсе. Более того, смуглолицего Этьена Руле, который мало что смыслил в сельском хозяйстве, зато много преуспел в чтении мудреных книг и часами рисовал диковинные диаграммы, назначили клерком при товарном складе, обслуживающем верфи в южной части Таун-стрит. Именно там позднее разразился бунт, но это было лет сорок спустя, когда старик Руле уже умер. После этого события семейство покинуло город, и дальнейшая его судьба покрыта тайной.





Но о них не забывали еще долго; в течение целого столетия, а может, и больше, пребывание здесь Руле вспоминали как бурный эпизод в размеренной жизни морского порта Новой Англии. Особенно часто обсуждали сына Этьена, Поля, мрачного субъекта, своим странным поведением спровоцировавшего бунт, после которого семейство убралось из города. В Провиденсе никогда не практиковалась охота за ведьмами, что частенько случалось в пуританских селениях по соседству, но о Поле поговаривали, что он никогда не преклоняет колена в отведенное для молитвы время, да и молится-то непонятно кому. Эти слухи и лежали в основе легенды, известной старой Марии Роббинз. Однако все это не объясняло, какая существовала связь между семейством Руле и бредом на французском языке Роби Хэррис и прочих домочадцев. Не знаю, сопоставлял ли кто-нибудь из жителей города эти легенды с ужасными событиями, известными мне из старой литературы. Я имею в виду то зловещее дело, которое неписаная история мирового Зла связывает с именем *Жака Руле из Кода*, приговоренного в 1598 году к сожжению на костре за общение с дьяволом. Впоследствии по ходатайству парижского парламента смертную казнь заменили пожизненным заточением в сумасшедшем доме. Дело в том, что Руле нашли в лесу с измазанными кровью губами и прилипшими к ним мельчайшими кусочками плоти вскоре после того, как пара волков растерзала мальчика. Одного волка

убили, но другому удалось уйти. Если бы не точное указание места происшествия и имени подозреваемого в злодействе оборотня, все это выглядело бы просто таинственной историей – из тех, что рассказывают поздним вечером у камина. По моему мнению, в Провиденсе вряд ли слышали об этом давнем зловещем событии. Однако, если слухи все же распространились, сходство имен наверняка вызвало в сердцах жителей суеверный страх, а это могло стать поводом к той заварушке, в результате которой Руле пришлось покинуть город.

Я все чаще посещал проклятое место, изучал необычную растительность в саду, обследовал стены дома, тщательно просмотрел каждый дюйм земляного пола в подвале и, наконец, с разрешения Кэррингтона Хэрриса, подобрал ключ к той всеми забытой двери, которая выходила прямо на Бенифит-стрит. Мне хотелось иметь на будущее возможность побыстрее выбраться отсюда на свет божий, а не плутать мрачными переходами и темными лестницами, ведущими к парадной двери. Здесь, в подвале, единственном месте, где могла таиться вековая нечисть, я проводил в поисках и размышлениях долгие послеобеденные часы. От мирной городской улицы меня отделяло лишь несколько шагов, да и заходящее солнце пробивалось сквозь затянутые паутиной щели в двери. Но ничего нового мне пока не открылось – все та же удушающая затхлость, плесневые контуры на полу и временами доносящийся откуда-то омерзительно гнилостный за-

пах. Иногда кто-нибудь из прохожих замечал сквозь разбитые стекла в двери неясную фигуру и недоуменно останавливался, с любопытством приглядываясь.

Спустя какое-то время дядя посоветовал мне посетить подвал после захода солнца, и вот одной ненастной ночью я начал осмотр земляного пола, освещая электрическим фонариком жутковатые плесневые наросты и уродливые, слабо фосфоресцирующие грибы. На этот раз подвал подействовал на меня как-то особенно удручающе, и поэтому я даже не удивился, когда различил – или мне показалось? – среди беловатых плесневых разводов четко обозначенную «скорченную» фигурку, похожую на ту, что я видел ребенком. Сейчас она особенно хорошо выделялась на полу, и, всматриваясь, я заметил поднимающийся от нее тонкий желтоватый дымок, так поразивший меня одним дождливым днем много лет тому назад.

Легкое светящееся испарение, исходящее от плесневого нароста, постепенно обретало в подвальной сырости пугающие очертания, которые, зарождаясь среди гнили, уплывали в темную дыру дымохода, источая на своем пути удушливую вонь. Зрелище было ужасным, особенно для меня, так много знавшего об этом гиблом месте. Но я все же не обратился в бегство, а неотрывно смотрел на проплывающее призрачное существо, оно же, в свою очередь, жадно пожирало глазами меня – что я больше ощущал, чем видел. Услышав мой рассказ о ночном приключении, дядя пришел в большое волне-

ние и после упорных размышлений выработал твердый план дальнейших действий. Учитывая важность предприятия, а также нашего участия в нем, дядя настаивал, чтобы мы оба ближайшую ночь, а может, и несколько ночей подряд, провели в сыром, заросшем гнусными грибами подвале, подстерегая монстра, а дождавшись, постарались бы понять его природу и в случае удачи уничтожить.

## IV

В среду 25 июня 1919 года, поставив в известность Кэррингтона о ночной нашей экспедиции, но не вдаваясь в детали и не сообщив, что мы предполагаем делать, мы с дядей перенесли в подвал два складных стула, раскладную кровать и один весьма тяжелый и сложный прибор. Укрывшись от любопытных взоров за обтянутым бумагой оконцем, мы разместили все эти вещи еще днем, готовясь вечером вернуться сюда на ночное дежурство. Мы также заперли дверь, ведущую из подвала на первый этаж, не желая рисковать прибором, который нам с большим трудом и за изрядные деньги удалось заполучить: кто знает, сколько ночей суждено нам здесь провести! Было решено первую половину ночи дежурить вместе, вторую же – поодиночке, по два часа: сначала я, следующим – мой дядя, чтобы каждый мог немного вздремнуть.

Дядя, несомненно, был главой нашего предприятия: ведь

это он достал необходимые приборы в Университете Брауна и на оружейном заводе, что на Крентон-стрит, да и теперь продолжал руководить нашими действиями. Какая жизненная сила, какая энергия таилась в этом человеке, которому шел уже восемьдесят второй год! Илайхью Уиппл прожил свою жизнь в соответствии с теми правилами, которые он исповедовал и пропагандировал как врач, и, если бы не трагические обстоятельства, был бы и сейчас в добром здравии. Только двое во всем мире могли догадываться, что с ним произошло, — Кэррингтон Хэррис и я. Мне пришлось все рассказать Хэррису: ведь он как владелец дома должен был знать, что скрывалось в нем. Кроме того, мы предупредили его о нашем расследовании, так что после исчезновения дяди я надеялся, что он все поймет и поможет мне создать для горожан правдоподобную версию случившегося. Услышав мой рассказ, он побледнел, но помочь согласился и признал, что теперь, видимо, можно будет сдать дом.

Было бы грубой и нелепой ложью сказать, что мы не обосновались в дождливую ночь нашего первого ночного дежурства. Обывательскими предрассудками мы не страдали, однако путем размышлений и научных исследований пришли к выводу, что трехмерная вселенная, где обитает человечество, является лишь одним из вариантов огромного мира вещества и энергии. В нашем же случае почти все свидетельства из достоверных источников говорили за то, что в доме прочно обосновались некие могущественные силы, пред-

ставляющие исключительную опасность для человека. Нельзя сказать, что мы безусловно верили в вампиров или оборотней, однако допускали существование некой неизвестной науке модификации жизненной силы и деградированного биологического вещества. Такие организмы могли только изредка проникать в трехмерное пространство, да и то лишь в том случае, если их собственный мир граничил с нашим. У нас же не было никакой надежды разгадать подоплеку этих эпизодических визитов, ибо, не имея отправной точки, невозможно даже подступиться к разгадке.

Короче говоря, дяде и мне казалось, что неопровержимая цепь фактов говорит о наличии в гиблом доме некоего стойкого воздействия неизвестных сил, прослеживаемого с появления в городе двести лет назад зловеще знаменитого французского семейства. Под воздействием неведомых нам законов атомистического и электронного движения это влияние сохранилось до сих пор. Вся история Руле неоспоримо доказывала, что члены этого рода обладали редкой способностью выхода в другие круги бытия, в темные сферы, вызывающие у обычных людей только ужас и содрогание. Возможно, неприязнь населения к семейству в тридцатые годы восемнадцатого века и связанные с нею городские волнения как-то повлияли на одного из Руле, скорее всего на мрачного Поля, задействовав определенные кинетические механизмы в его извращенном сознании. Высвободившаяся энергия продолжала жить и после его смерти в ограниченных пре-

делах прежнего жилища, где Руле окружала яростная ненависть горожан.

В свете последних научных открытий, включая теорию относительности и внутриатомное устройство, все это не вступало в противоречие ни с физическими, ни с биохимическими законами. Можно представить себе материю или энергию, организованные вокруг чужеродного ядра в виде какой-то формы или бесформенно; можно также предположить, что эта субстанция поддерживает свое существование, паразитируя на жизненной силе, плоти или дыхании других, реально осязаемых существ, в которые она проникает, иногда полностью с ними сливаясь.

Этот симбиоз может проводиться с активно враждебной целью, а может быть и нейтральным средством, поддерживающим существование данной субстанции. Но как бы то ни было, подобный монстр все равно является аномалией. В нашем понимании он захватчик, и первейший долг каждого из нас, если он не враг рода человеческого и печется о его душевном и физическом здоровье, уничтожить злую силу.

Мы не знали, в каком образе явится к нам чудовище, и это беспокоило нас. Никто, будучи в здравом рассудке, не видел его, и лишь немногие непосредственно ощущали его воздействие. Возможно, он представлял собой чистую энергию – неземную сущность, стоящую вне царства материи, а может, был частично материальной субстанцией – неизвестной науке, нечетко выраженной плазменной массой, способной по



своему усмотрению принимать размытые формы твердого, жидкого, газообразного вещества или комбинации из них. И в плесневом наросе на полу, и в форме желтоватого дымка, и в искривленных корнях, о которых говорилось еще в старых легендах, просматривалось отдаленное сходство с очертаниями человеческой фигуры, однако кто мог с уверенностью сказать, было ли это сходство устойчивым состоянием.

Для борьбы с монстром у нас имелось два средства. Во-первых, большая и специально приспособленная для наших целей трубка Крукса, работавшая на мощных батареях и снабженная особыми экранами и рефлекторами: если чудовище окажется неосязаемым, мы надеялись уничтожить его лучевой радиацией высокой мощности. На тот случай, если монстр хотя бы частично является материальным существом, которое можно убить механическим путем, мы припасли два огнемета, с успехом применявшихся на фронтах мировой войны: как и суеверные эксетерские крестьяне, мы собирались сжечь сердце чудовища, если таковое у него сыщется. Эти орудия уничтожения мы установили в подвале между нашими уголком со стульями и раскладной кроватью и местом у печи, где росла столь необычной формы плесень. Когда мы расставляли наши вещи и позднее, когда вернулись на ночное дежурство, белесое пятно было еле заметно. На какое-то мгновение я даже заколебался: а не привиделось ли мне то призрачное существо?

Наше бдение началось в десять часов вечера: смеркалось

поздно, а при свете дня ожидаемые явления не происходили. Еле пробивающийся сквозь пелену дождя свет уличных фонарей и слабое фосфоресцирование омерзительных грибов освещали влажные каменные стены, с которых полностью сошла побелка, и весь подвальный интерьер: сырой, зловонный и заплесневелый земляной пол с этими гнуснейшими грибами; прогнившее старье – табуретки, стулья, столы и еще какую-то, не поддающуюся определению мебель; массивные балки и доски над головой; обветшалую дощатую дверь, ведущую в погреба; лестницу с выщербленными каменными ступенями и поломанными деревянными перилами; грубо сложенную из потемневшего кирпича печь, проржавевшие железные части которой указывали, в каких местах ранее находились подвесные крюки, железные решетки для дров, вертел, поддувало и дверца жаровни; а кроме того – наше аскетическое ложе, складные стулья, а также объемистую и сложную технику уничтожения.

Как и в мои прежние вылазки, мы оставили дверь на улицу незапертой, чтобы иметь путь к отступлению на тот случай, если почувствуем, что не в силах контролировать ситуацию. Мы надеялись, что наши ночные дежурства привлекут в конце концов внимание затаившейся в подвале злой силы и она каким-то образом проявит себя, а там уж мы, разобравшись что к чему, сумеем с помощью наших мощных приспособлений совладать с ней. Однако трудно было предположить, сколько на это потребуется времени. Наше предприятие ста-

новилося небезопасным: кто знает, какой силой обладало чудовище. Но игра стоила свеч, и мы не колеблясь пошли на риск, даже не помышляя о посторонней помощи – нас бы только высмеяли, а возможно, и помешали бы нам. Обо всем этом мы долго говорили, сидя ночью в подвале, пока я не заметил, что у дяди слипаются глаза, и не заставил его лечь отдохнуть.

Когда я остался один в эти предутренние часы, меня пронизал страх. Нет, это не оговорка: тот, кто сидит рядом со спящим, особенно одинок. Дядя тяжело дышал, его вдохи и выдохи слышались даже сквозь шорох непрекращающегося дождя. Более всего действовала мне на нервы сочившаяся с сырых стен вода – стук капель будто буравил голову. Дом не просыхал даже в сухую погоду – что уж говорить про такой потоп, как сегодня. От нечего делать я заинтересовался старинной кладкой стен, но при тусклом свете глаза мои быстро утомились, да и доносившиеся отовсюду неприятные звуки постоянно отвлекали. Когда они стали совершенно переносимыми, я отворил дверь наружу и вдохнул полную грудь воздуха, с удовольствием глядя на милые сердцу картины.

Снаружи все выглядело так обыденно, что мне сразу полегчало. Я глубоко зевнул: усталость брала свое.

Вскоре дядя заворочался во сне. За последние полчаса он уже несколько раз переворачивался с боку на бок, теперь же необычно тяжело задышал, изредка испуская вздохи, напоминающие сдавленный стон. Я посветил на него фонари-

ком, но дядя лежал, повернувшись в другую сторону. Поднявшись, я обошел раскладушку и снова направил луч света на спящего. А вдруг он заболел? То, что я увидел, по непонятным причинам взволновало меня. Возможно, подействовала сама обстановка – зловещий дом и наша ответственная миссия, – ведь картина была самая что ни на есть мирная. Несколько обеспокоенное лицо дяди хранило, впрочем, его обычное выражение, во вздохах тоже не было ничего странного – ситуация вполне к этому располагала и дядины сны могли ей соответствовать. И все же в его чертах было нечто слишком уж экспрессивное. Обычно дядя, с его безукоризненным воспитанием, держался ровно и доброжелательно, его манеры были мягки и спокойны. Теперь же его, казалось, сотрясали эмоции. Особенно, помнится, меня поразила резкая смена чувств, отражавшаяся на лице спящего. Возбуждение его все нарастало. Судорожно глотая воздух и беспокойно ворочаясь на своей кровати, он наконец открыл глаза. И тут мое впечатление подтвердилось: в нем действительно как бы жило несколько человек, и все – из другого, не нашего времени.

Он что-то быстро забормотал, и в складках его губ, в манере речи появилось нечто новое и неприятное. Поначалу я ничего не мог разобрать, но затем с удивлением услышал такое, от чего похолодел. И это говорил образованнейший человек своего времени, писавший статьи по антропологии и археологии для французского журнала «Ревю де Дё

Монд»? Илайхью Уиппл бредил на французском языке, и те несколько фраз, что я сумел разобрать, по своему мракобесию не уступали самым мрачнейшим мифам на страницах этого журнала.

Неожиданно на лбу дяди проступил пот, и он, еще в полудреме, резко вскочил с раскладушки. Французские слова сменились истошным воплем на родном языке: «Дышать! Трудно дышать!» Наконец дядя проснулся полностью, лицо его обрело обычное свое выражение, и, схватив меня за руку, он начал рассказывать свой сон, зловещий смысл которого я прозревал со страхом.

Вскоре после того, как он погрузился в сон, обычные земные сновидения сменились чем-то иным, настолько ни на что не похожим, что он даже затруднился в словах. Это был наш мир и одновременно какой-то другой, где происходила невероятная геометрическая путаница: привычные вещи выступали в необычных, тревожащих конфигурациях. Совмещались, казалось, несоизмеримые вещи, разрозненные фрагменты реальности, как если бы пространство и время, распавшись, вновь слились в причудливых сочетаниях. И в этом вихре фантастических образов вдруг возникали моментальные, если можно так выразиться, фотографии — чрезвычайно четкие видения, ошеломляющие, правда, своей разнородностью.

В один момент дяде почудилось, что он лежит в небрежно вырытой яме, а на него сверху смотрит множество угрю-

мых физиономий в треуголках поверх растрепанных кудрей. И тут же он очутился в доме – по-видимому, очень старом, – обстановка и жильцы в котором непрерывно менялись, и он, помнится, никак не мог уразуметь, в какой находится комнате и кто стоит рядом, потому что двери и окна тоже участвовали в этой дикой круговерти. Все это было странно, чертовски странно, и дядя рассказывал сон с какой-то даже робостью, видимо боясь, что я ему не поверю, особенно после того, как он прибавил, что люди в доме очень напоминали чертами лиц семейство Хэррисов. Одновременно он испытывал страшное удушье и неприятное чувство, как если бы кто-то невидимый проникал в него, желая похитить жизненную силу. Я с ужасом представил себе, как изношенный организм восьмидесятилетнего старца сопротивляется проникшим в него злым силам, представил неравную борьбу, где неизбежно победит сильнейший. Но уже минуту спустя успокоился, утешив себя, что сон – это всего лишь сон, да и сами неприятные видения – реакция дяди на предысторию нашего расследования и на непривычную обстановку эксперимента. Ведь в последнее время именно он занимал все наши мысли.

Постепенно беседа рассеяла мои страхи, и, почувствовав сонливость, я в свою очередь занял место на раскладушке. Дядя же, казалось, совершенно не хотел спать и с радостью согласился подежурить, хотя ночные кошмары оборвали его сон задолго до того, как истекли отведенные ему два часа.

Заснул я мгновенно, но и мои сновидения были тревожны. Мне снилась темница, где я лежал, ощущая космическое, беспредельное одиночество и зная, что отовсюду надвигается на меня враждебная злая сила. Связанный, с кляпом во рту, я слушал доносящиеся издалека издевательские вопли монстров, жаждущих моей крови. Эхо разносило эти страшные крики по всей темнице. Помнится, надо мной склонялось дядино лицо, но выражение его было не столь приятным, как наяву. Безуспешно пытаюсь освободиться от пут, я силился закричать. Сон становился все неприятнее, и я почувствовал облегчение, когда пронзительный вопль, прокатившись эхом по дому, разорвал оковы сна и резко вывел меня из забытья. И тут подвал и все находящиеся в нем предметы вдруг предстали предо мной с какой-то пугающей отчетливостью.

## V

Очнувшись, я не увидел дяди – он сидел за моей спиной, перед моими же глазами были дверь на улицу и фрагмент выходящей на север стены с оконцем и потолком. Я видел их гораздо лучше, чем при свете флуоресцирующих грибов и тусклых уличных фонарей. Нельзя сказать, чтобы освещение стало ярче, нет, книгу с обычным шрифтом, например, нельзя было бы читать. Но появился новый источник света, отбрасывающий тень от меня и раскладушки; он излу-

чал желтоватое сияние и обладал особой проникающей силой, при которой предметы обрисовывались рельефней, чем при обычном освещении. Я стал гораздо зорче, но два других органа чувств – слух и обоняние – переживали страшный шок. В ушах по-прежнему стоял душераздирающий крик, и, кроме того, я почти задыхался от невыносимого гнилостного запаха. Всем своим существом ощутив непонятную угрозу, я почти автоматически спрыгнул с раскладушки и бросился к поставленным нами перед плесневым пятном орудиям защиты. Признаюсь, мне страшно было обернуться; к этому времени я уже осознал, что кричал дядя, и боялся заглянуть в лицо опасности, от которой придется защищать себя и его.

Зрелище превзошло самые худшие ожидания. Безграничный космос иногда посылает отдельным несчастливцам кошмарные, inferнальные видения, но то, что я увидел, было ни с чем не сравнимо. Оттуда, где раньше стелились плесневые грибы, восходило мертвенно-желтое испарение; поднимаясь вверх, оно пузырилось и побулькивало, принимая наполовину человеческие, наполовину звероподобные очертания. Сквозь чудовищную тварь просвечивали печь и дымоход. Говоря, что видел это существо, я не совсем точен: его формы как бы додумывались позднее в моем сознании. Тогда же передо мной клубилось только слабо фосфоресцирующее облако плесневых испарений, оно окутывало и постепенно превращало в омерзительную вязкую массу того, к кому было приковано мое внимание. Этим кем-то был мой



дядя, почтенный Илайхью Уиппл, чье потемневшее и расплывающееся лицо глядело на меня со злобной плотоядной усмешкой. Он свирепо тянулся ко мне, желая растерзать, но жуткие когти, не успевая коснуться моей одежды, рассыпались в прах.

Только активность спасла меня от безумия. Я готовился к решительным действиям, и этот настрой оказался бесценным. Мгновенно осознав, что клубящееся зло не принадлежит к субстанции, которую можно сокрушить материальными или химическими средствами, и потому даже не взглянув на огнемёт, неясно вырисовывавшийся слева от меня, я бросился к трубке Крукса и направил на богохульственное зрелище мощнейшую дозу радиации. Раздалось что-то вроде оглушительного всплеска, все заволокло голубоватой дымкой, и желтое свечение несколько поблекло. Но почти сразу же я понял, что цели не достиг: сильнейшее радиоактивное излучение не произвело на чудовищную субстанцию никакого эффекта.

Демонический спектакль, напротив, лишь набирал силу. Новое душераздирающее зрелище исторгло из меня дикий вопль и заставило броситься к незапертой двери, ведущей на улицу. Тогда я не думал о том, что за мной в безмятежную городскую тишь могут вырваться адские силы, и уж тем более меня не заботило, какое впечатление я произведу на случайного прохожего. В голубовато-желтом освещении тело дяди как-то омерзительно разжижалось, обретая ни на что

не похожую консистенцию; одновременно лицо его претерпевало множество совершенно немислимых изменений, которые могли зародиться разве что в воображении безумца. За мгновение он успевал побывать дьяволом и толпой, склепом и карнавальным шествием. В тусклом свете эта студенистая масса сменяла десятки, дюжины, сотни обличий и, ухмыляясь, опускалась все ниже к земле, оседая вместе с таившим, как свеча, телом. Некоторые из множества мелькавших карикатурных видений ничего и никого не напоминали, другие были знакомы.

Я узнавал лица Хэррисов, мужчин и женщин, взрослых и детей, но одновременно видел и другие лица – старые и молодые, грубые и утонченные, знакомые и незнакомые. На секунду мелькнула плохая копия с миниатюры несчастной Роби Хэррис, которую я видел в Художественном музее, затем мне показалось, что я узнал лицо костлявой Мерси Декстер, запомнившееся мне во время посещения дома Кэррингтона Хэрриса, где висел ее портрет. Все это производило кошмарное впечатление, и я стоял, застыв на месте, провожая взглядом последнее, сложившееся из черт слуги и младенца, видение, мелькнувшее уже на уровне заплесневелого пола, где растеклась сальная зеленая лужица. Мне показалось, что в этот последний момент разрозненные черты ужасной маски яростно боролись друг с другом, пытаясь слиться в дорогой мне образ доброго дядюшки. Мне приятно вспомнить, что на мгновение его доброе лицо возобладало над хаосом и он

даже попытался послать мне последний привет. Кажется, я тоже сумел выдавить из сведенного судорогой горла слова прощания, а потом бросился на улицу, куда за мной на мокрый от дождя тротуар устремилась тонкая сальная струйка.

Остальная часть ужасной ночи прошла как в тумане. Улица под дождем была пустынна. Мне не пришло в голову обратиться к кому-нибудь за помощью – что я мог рассказать? Я бесцельно брел куда-то к югу вдоль Колледж-Хилл и Городской библиотеки, а затем, миновав Хопкинс-стрит, перешел мост, оказавшись в деловой части города, где высокие здания – символ современного материального мира – казалось, оберегали меня от стародавнего фантастического бытия. Затем забрезживший на востоке сероватый рассвет осветил древний холм с его почтенными склонами, как бы призывая меня вернуться и завершить начатое. Я пошел – мокрый, без шляпы на голове, почти ничего не соображая, и ранним утром уже стоял у той зловещей двери на Бенифит-стрит, которую оставил распахнутой. Она и теперь – на глазах у ранних прохожих, с которыми я не осмеливался заговорить, – стояла таинственно приоткрытой, как бы приглашая войти.

Сальная лужа исчезла, впитавшись в ноздреватую поверхность пола. Перед печкой на плесенном наросте не было даже следов огромной скорченной фигуры. Я стоял и смотрел на раскладушку, стулья, инструменты, забытую мной шляпу, на соломенный головной убор дядюшки. Мысли мои все еще

путались, и я не мог бы с точностью сказать, что мне приснилось, а что произошло на самом деле. Но вскоре память моя прояснилась, и тут я наконец осознал, свидетелем какого кошмара мне случилось быть. Присев, я стал соображать, насколько позволяло состояние, что же все-таки произошло и как совладать со всем этим ужасом, если он действительно имел место. Очевидно, что явившаяся мне субстанция была не материальна, не обладала она также и эфирными свойствами, впрочем, и какими-либо иными, известными человеку. Не представляла ли она в таком случае некую неведомую эманацию, выделяемую вампирами и таившуюся, согласно эксетерским легендам, на некоторых погостах? Решив, что отыскал ключ к тайне, я вновь стал разглядывать то место у печки, где обретались странной формы плесневые грибы. Через десять минут у меня созрело решение, и, надев шляпу, я поспешил домой. Там я принял ванну, позавтракал и попросил по телефону доставить завтра утром к заброшенному дому на Бенифит-стрит мотыгу, лопату, противогаз и шесть оплетенных бутылей с серной кислотой. Затем я постарался заснуть, но сон не шел, так что оставшееся время я провел в чтении и, чтобы как-то снять напряжение, сочинял бессмысленные стихи.

На следующий день в одиннадцать часов утра я уже копал землю. День выдался солнечный, и это взбодрило меня. Я по-прежнему был в одиночестве: при одной только мысли поделиться с кем-нибудь пережитым меня охватывал страх

еще больший, чем перед самой встречей с загадочным злом. Только необходимость заставила меня позже рассказать все Хэррису, да и то я пересилил себя лишь потому, что он слышал старые легенды и был хоть в какой-то степени расположен поверить мне. Переворачивая пласты вонючей черной почвы, я рассекал лопатой белые грибы и, видя, как из них сочится густая, желтая, похожая на гной жидкость, трепетал от мысли, *что* мне придется увидеть. Человеку не следует знать некоторые секреты земли, и тот, с которым я соприкоснулся, принадлежал, несомненно, к таковым.

Руки мои тряслись, но я неуклонно продвигался к цели и вскоре стоял уже в глубокой яме около шести футов шириной. Неприятный запах все возрастал, и я не сомневался, что вот-вот вступлю в контакт с дьявольской тварью, захватившей дом полтора века назад. Я не знал, в каком она предстанет обличье, какова ее форма, субстанция, какой объем она набрала за те годы, что похищала у людей жизненную силу. Прошло изрядно времени, прежде чем я выбрался из ямы, утрамбовал края и расставил по двум сторонам огромные бутылки с серной кислотой, чтобы в случае необходимости незамедлительно вылить их содержимое в зияющее отверстие. После этого я откидывал грунт только на две другие стороны, работая медленно и в противогазе: запах становился все непереносимее. Сознание близости к таящемуся подо мной неведомому монстру почти лишало меня рассудка.

Внезапно лопата вошла во что-то более мягкое, чем зем-

ля. Я задрожал от страха и хотел было выбраться из ямы, которая к тому времени стала мне по шею, но затем, собрав остатки мужества, начал осторожно, светя себе электрическим фонариком, соскребать лопатой верхний слой земли. То, что открылось моим глазам, напоминало протухший, полупрозрачный студень, тускло поблескивавший на свету. Продолжая счищать землю с желеобразной массы, я постепенно дошел до того места, где она закруглялась, и понял, что непонятная субстанция имеет форму. Очищенная мною часть дугообразно выступала массивной белесой трубой, расширенной на неровном изгибе до двух футов в диаметре. Я еще немного поскреб лопатой студенистую поверхность и... Не помню, как я очутился наверху, спасаясь от гнусной твари, помню только бешеную торопливость, с какой опрокидывал одну за другой тяжелые бутылки, выливая их едкое содержимое в зияющую кладбищенскую бездну с чудовищным монстром, чье гигантское плечо я только что видел.

Вряд ли мне суждено когда-либо забыть ослепительный зеленовато-желтый вихрь, взметнувшийся из потаенных глубин, залитых разъедающим потоком кислоты. Живущие на ближайших склонах люди долго вспоминали потом этот, как они говорили, желтый день, когда от якобы фабричных отходов, сброшенных в реку Провиденс, поднимались ядовитые испарения. Если бы они знали всю подноготную! По их словам, страшный рев, сотрясший округу, раздался из-за раз-

рыва водопроводный трубы или неполадок в газовой магистрали. Насчет этого я тоже мог бы внести ясность. Рев и вправду был оглушительный, едва выносимый. Опорожнив четвертую бутыль, я потерял сознание – ядовитые пары проникли-таки под противогаз, а когда пришел в себя, все уже было позади.





Последние две бутылки, вылитые мною после обморока, никакого нового эффекта не дали, и, почувствовав, что с опасностью покончено, я стал зарывать яму. Только после полуночи земля в подвале сровнялась, теперь уже работать было не страшно – здесь все изменилось. Воздух больше не отдавал гнилью, странные грибы сморщились и распались, превратившись в безобидную серую труху, присыпавшую, как пеплом, подвальный пол. Навсегда канул в небытие один из самых чудовищных монстров, когда-либо терроризировавших землю, и если есть ад, эта тварь несомненно там. А я, бросив поверх засыпанной ямы последнюю лопату земли, смог наконец заплакать. Это были первые слезы, пролитые мною по незабвенному дядюшке. Первые – из многих.

На следующий год во избегающем на холм саду вокруг заброшенного особняка не росли уже ни блеклая трава, ни странного вида сорняки, и вот тогда-то Кэррингтон Хэррис с легким сердцем сдал дом жильцам. У дома по-прежнему таинственный вид, но теперь это только придает ему особую прелесть. И мне, право, будет жаль, если его снесут и построят на этом месте галантерейную лавку или гостиницу. Прежде голые деревья, окружавшие дом, вдруг зазеленели и неожиданно принесли плоды – небольшие и очень вкусные яблоки. А в прошлом году на их шишковатых сучьях птицы свили свои первые гнезда.

# Страшный старик

*Кингспорт*

Анджело Риччи, Джо Чанек и Мануэль Сильва надумали заглянуть к Страшному Старику. Старик этот жил совсем один в очень древнем доме на протянувшейся вдоль побережья Водной улице и слыл чрезвычайно богатым и чрезвычайно немощным, что не могло не заинтересовать таких людей, как господа Риччи, Чанек и Сильва, ибо по роду занятий эти уважаемые джентльмены были грабителями.

Жители Кингспорта с глубокой убежденностью рассказывают о Страшном Старике много такого, что обычно оберегает его от внимания джентльменов вроде господина Риччи и его коллег, несмотря на явные свидетельства того, что где-то в затхлом ветхом жилище Старика спрятано значительное состояние. Он и впрямь производит весьма странное впечатление, и считается, что в свое время он служил капитаном на ходивших в Индию клиперах – такой старый, что никто не помнит его молодым, и такой неразговорчивый, что лишь немногие знают его настоящее имя. Во дворе перед входом в свой ветхий дом он разместил странный набор больших камней, причудливо расставленных и разукрашенных так, что они кажутся идолами из загадочного восточного храма. Эти камни отпугивают мальчишек, чье любимое

занятие – дразнить Страшного Старика из-за его длинных белых волос и бороды или пулять чем попало в его маленькие окошки; но есть и нечто, нагоняющее страх и на любопытных постарше, которые иногда прокрадываются к дому, чтобы заглянуть в пыльные окна. Эти болтают, будто в первом этаже посреди пустой комнаты расставлены на столе диковинные бутылки и в каждой на веревочке подвешен наподобие маятника маленький кусочек свинца. Уверяют, что Страшный Старик разговаривает с этими бутылками, обращаясь к ним по именам – Джек, Меченый, Долговязый Том, Испанец Джо, Питерс и Напарник Эллис, и что всякий раз, как он обращается к той или иной бутылке, маленький свинцовый маятник внутри нее явственно покачивается, словно в ответ.

Те, кому довелось увидеть, как высокий, тощий Страшный Старик ведет эти своеобразные беседы, никогда больше не подсматривали за ним. Но Анджело Риччи, Джо Чанек и Мануэль Сильва не были коренными кингспортцами; принадлежа к новому, разнородному племени чужаков, которому чужды магические ритмы традиций и уклада жизни Новой Англии, они видели в Страшном Старике лишь нетвердо держащегося на ногах, почти беззащитного седобородого старца с беспомощно трясущимися худыми и слабыми руками, неспособного передвигаться без узловатой трости. При этом они по-своему даже жалели одинокого, никем не любимого старика, которого люди сторонились, а собаки яростно

облаивали. Но бизнес есть бизнес, и для грабителя-энтузиаста очень старый и очень слабый человек, не имеющий счета в банке, но оплачивающий в деревенской лавке свои скромные потребности испанскими золотыми и серебряными монетами, отчеканенными два века назад, — сразу и соблазн, и вызов.

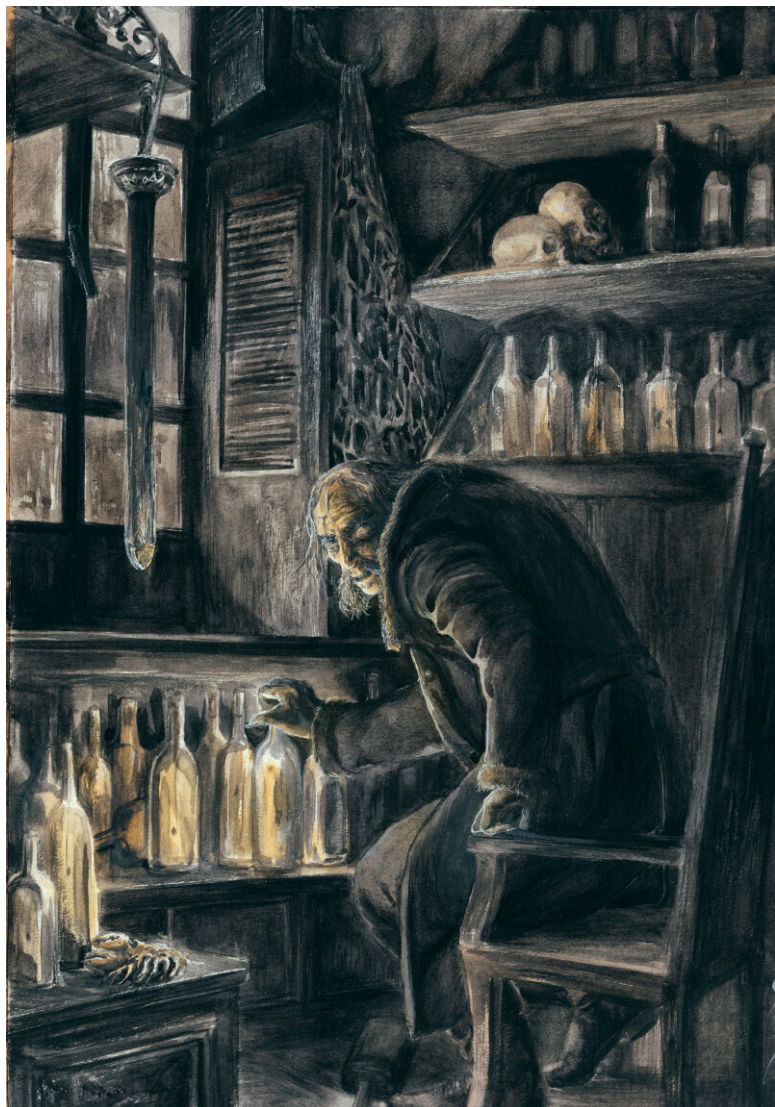
Господа Риччи, Чанек и Сильва избрали для визита вечер 11 апреля. Г-н Риччи и г-н Сильва намеревались провести с несчастным старым джентльменом беседу, а г-н Чанек дождался их (предположительно, с грузом металла) в крытом автомобиле на Корабельной улице, у ворот в высокой задней стене владений джентльмена, которому они нанесли визит. Желание избежать ненужных объяснений в случае внезапного вмешательства полиции склонило их запланировать тихое и скромное отбытие.

Как было условлено заранее, трое искателей приключений отправились на дело порознь, чтобы впоследствии избежать каких бы то ни было дурных подозрений. Господа Риччи и Сильва встретились на Водной улице у парадного входа во владения старика, и, хотя им не понравился вид разукрашенных камней, освещаемых луной сквозь пустившие почки ветви корявых деревьев, причиной их беспокойства были вовсе не беспочвенные суеверия. Они опасались лишь, что попытки принудить Страшного Старика к беседе о припрятанном золоте и серебре могут оказаться делом малоприятным, ведь немолодые морские капитаны особенно упрямы

и несговорчивы. И все же он был очень стар и немощен, а посетителей двое. Господа Риччи и Сильва весьма поднаторели в искусстве развязывать языки людям, не расположенным к общению, а крики слабого человека весьма почтенных лет легко заглушить. Подойдя к единственному освещенному окну, они слышали, как Страшный Старик, словно играющий ребенок, толкует со своими бутылками с маятниками. Надев маски, они вежливо постучали в потемневшую от непогоды дубовую дверь.

На Корабельной улице г-ну Чанеку, беспокойно ерзавшему на сиденье крытого автомобиля у задней калитки владений Страшного Старика, ожидание казалось вечностью. Он был невероятно сердобольным, и его душу терзали ужасные крики, начавшие долетать из старинного дома почти сразу после урочного часа. А ведь он просил коллег обойтись с умилительно старым капитаном бережно! Он нервно следил за узкими дубовыми воротцами в высокой, увитой плющом каменной стене, то и дело поглядывая на часы и удивляясь задержке. Неужели старик умер, так и не открыв, где спрятано его сокровище, и потребовались тщательные поиски? Г-ну Чанеку не по душе было так долго ждать в темноте в таком месте. Затем на дорожке за воротцами послышались мягкие шаги или постукивание, тихо скрипнула отодвигаемая ржавая задвижка, и узкая тяжелая дверь отворилась внутрь. В бледном свете одинокого тусклого уличного фонаря ему пришлось напрячь глаза, чтобы разглядеть, что

именно его коллеги выносят из зловещего дома, выступавшего из мрака совсем рядом. Но увиденное не оправдало его ожиданий, ибо коллег там не оказалось – только Страшный Старик. Он спокойно стоял, опираясь на узловатую трость, и гадко ухмылялся. Г-н Чанек никогда прежде не обращал внимания на то, какого цвета глаза у этого человека; теперь он увидел, что они желтые.



В маленьких городках любое мелкое происшествие вызывает заметное волнение, поэтому нет ничего удивительного в том, что жители Кингспорта всю весну и лето обсуждали принесенные приливом три неопознанных трупа, страшно искромсанные, словно их рубили множеством сабель, и жестоко искалеченные, словно их топтало множество ног в жестких сапогах. Кое-кто обсуждал и вовсе пустяки – брошенный на Корабельной улице автомобиль или услышанные ночью теми из горожан, кто не спал, нечеловеческие крики, вероятно, какого-то приبلудившегося зверя или случайно залетевшей диковинной птицы. Но Страшный Старик не проявлял ни малейшего интереса к этим праздным пересудам. Он по природе был нелюдим, а когда человек стар и немощен, его нелюдимость усугубляется. Кроме того, столь дряхлому мореплавателю в незапамятную пору его юности, несомненно, приходилось становиться свидетелем гораздо более сенсационных событий.



# Праздник

*Кингспорт*

В ту пору я оказался далеко от дома. Меня не покидало очарование моря. В сумерках я слышал, как оно бьется о скалы, и знал наверняка, что море вон за тем холмом, на котором чернели в свете первых звезд причудливые силуэты ив. Я прибыл в древний город по зову предков и потому упрямо месил снежное крошево на дороге, что тянулась туда, где одиноко мерцал над деревьями Альдебаран, – в направлении старинного города, который я никогда не видел, но о котором так часто грезил.

Дело происходило в канун праздника, который люди именуют Рождеством, хотя в глубине души сознают, что он неизмеримо старше Вифлеема, Вавилона, Мемфиса и самого человечества. Да, в его канун добрался я наконец до старинного города у моря, где когда-то жили и справляли этот праздник мои предки... Они наказали нам блюсти родовой обычай: раз в сто лет мы должны были собираться на празднество и повторять друг другу слова древней мудрости. Мои предки прибыли сюда из южных краев, где цветут орхидеи; они говорили на чужом языке и лишь какое-то время спустя научились наречию голубоглазых рыбаков. С годами моя родня рассеялась по свету, объединяли нас теперь лишь се-

мейные обряды и ритуалы, смысл которых был для постороннего непостижим.

С гребня холма я увидел Кингспорт, заиндеветый, заснеженный Кингспорт с его старинными флюгерами и шпилями, дымовыми трубами, пристанями и маленькими, будто игрушечными, мостиками; я различил кладбищенские ивы и величественную церковь, которой не посмело коснуться время. Мой взгляд заплутал в лабиринте узеньких улочек. Над выбеленными зимней стужей фронтонами и двускатными крышами парила на пыльных крыльях древность. В вечернем сумраке призывно светились фонари и окна, а в небе, окруженный вековыми звездами, сверкал Орион. В прогнившие доски причалов било море...

Поблизости от дороги возвышался еще один довольно-таки крутой холм. Приглядевшись, я понял, что на его вершине расположилось кладбище: черные надгробия выступали из-под снега призрачными когтями гигантского трупа. Дорога была пустынной, но иногда мне чудилось, будто я слышу негромкое поскрипывание – такое обычно издает виселица. К слову сказать, одного моего родича повесили где-то в окрестностях города за колдовство.

Дорога пошла под уклон. Я напряг слух, стараясь услышать отзвуки царящего в городе веселья, но все было тихо. Тут я вспомнил, какое на дворе время года, и решил, что местные жители могут праздновать Рождество по-своему – вдруг у них принято проводить праздничные вечера в мо-

литвах у семейных очагов? Так что я бросил прислушиваться и поспешил вниз, мимо домиков, в окнах которых горел свет, мимо засыпанных снегом каменных стен, туда, где раскачивались на ветру вывески лавок и таверн, где мерцали в тусклом свечении, сочившемся в щели между оконными занавесками, диковинные молоточки на дверях.

Поскольку я предварительно изучил карту города, мне было известно наверняка, где стоит дом моих родственников. Я рассчитывал, что меня узнают и примут достаточно радушно – ведь в маленьких городках легенды живут долго. А потому я пересек единственную в Кингспорте мощеную улицу, прошел с тыльной стороны рынка и вышел в нужный мне переулок. Старые карты не подвели...

Из окон нужного мне дома, седьмого по счету на левой стороне улицы, пробивался свет. Верхний этаж нависал над узкой улочкой, едва ли не упираясь во фронтон дома напротив. Подойдя поближе, я словно очутился в пещере. На низком крылечке не было ни снежинки, к нему вела череда ступеней, дополненная железными поручнями. Общее впечатление было несколько странным; вдобавок я впервые попал в Новую Англию, а прежде ничего подобного мне видеть не доводилось. Сказать по правде, я бы чувствовал себя уверенней, если бы заметил хоть одного человека на городских улицах. Да и занавески на окнах, будем откровенны, не мешало бы раздернуть.

Притронувшись к архаичному дверному молотку, я испы-

тал страх, которым был обязан отчасти собственным воспоминаниям, а отчасти – зимнему вечеру и неприветливой тишине, окутывавшей старый Кингспорт. Когда же на мой стук отозвались, я, признаться, струсил окончательно, ибо не слышал никаких шагов – дверь распахнулась словно сама собой. Но страх мой тотчас улегся, ибо в дверном проеме появился добродушного вида старик в халате и домашних шлепанцах. Пояснив жестом, что он – немой, старик начертал стилем на восковой дощечке, которую держал в руке, слова древнего приветствия.

Он провел меня в освещенную свечами комнату с низким потолком и скудной обстановкой. Для меня будто оживило прошлое, которое было тут полновластным хозяином. Неподалеку от очага стояла прятка, за которой пристроилась сутулая старушка в старинной шляпке. В комнате ощущалась сырость, и я подивился тому, что в очаге не горит огонь. Напротив вереницы занавешенных окон располагалась скамья, на которой, похоже, что-то лежало... Все окружавшее меня мне не нравилось, не внушало доверия, и в сердце мое снова закрался страх. Этот страх усиливало то, что раньше сумело его унять, ибо чем пристальнее вглядывался я в лицо старика, тем сильнее оно меня пугало. Глаза на нем словно застыли в неподвижности, а кожа уж чересчур смахивала на воск. В конце концов я решил, что это вовсе не лицо, а искусно выполненная маска. Старик написал, что нужно немного подождать, а потом меня отведут на праздник.

Указав на табурет возле стола с грудой книг, он вышел из комнаты. Я сел и принялся рассматривать книги. Среди них мне попались омерзительная «Демонолатрия» Ремигия и неопиcуемый «Некрономикон» безумного араба Абдула Альхазреда – книга, которой я до сих пор не видел, но о которой многажды слышал (и, надо признать, отзывы были не слишком лестными). Со мной никто не заговаривал... Если честно, во всем этом – книгах, комнате, людях – ощущалось нечто нездоровое, тревожное; однако в город моих предков меня привел стародавний обычай, а потому я не должен был ничему удивляться. Я попробовал почитать и вскоре с головой ушел в богомерзкий «Некрономикон», содержание которого было поистине отвратительным для любого человека в здравом уме и твердой памяти... Затянувшееся ожидание действовало на нервы, а книга в руках усиливала беспокойство. Когда старинные часы пробили одиннадцать, вернулся старик. Он подошел к большому резному шкафу и извлек оттуда два плаща с капюшонами. Один надел сам, второй накинул на старуху и направился к двери, поманив меня за собой.

Мы вышли в безлунную ночь. Огни в занавешенных окнах гасли один за другим. Сириус ухмылялся в вышине, взирая на фигуры в плащах, что выстраивались в вереницы и маршировали мимо скрипучих вывесок и допотопных фронтонов, по переулкам, где громоздились друг на друга развалины, по площадям, по церковным дворам, на которых огоньки

фонарей вдруг превращались в призрачные подобию небесных созвездий.

Я следовал за своим безмолвным проводником, меня толкали и пихали. Я не видел ни единого лица, не слышал ни единого слова. Вверх, вверх, вверх – по крутым извилистым улочкам; я заметил, что люди со всех сторон стекаются к месту, которое являлось как бы фокусом улиц и переулков, – на вершину высокого холма в центре города. На холме стояла устремленная в небо белая церковь, которую я различил еще с дороги, когда смотрел на сумеречный Кингспорт. Над кладбищем на церковном дворе мельтешили голубые искорки, открывая взору печальные ряды надгробий. Над гаванью мерцали звезды, а город словно растворился во мраке, лишь изредка мигали на улицах фонари – это торопились догнать процессию, которая уже вползала в церковь, немногочисленные опоздавшие. Переступив за стариком порог, я обернулся, чтобы бросить последний взгляд на церковный двор, обернулся – и вздрогнул. Мне почудилось, будто на снегу не осталось ничьих следов, даже моих собственных.



Когда мои глаза привыкли к царившему в церкви полумраку, я рассмотрел, что фигуры в плащах одна за другой исчезают в раскрытом люке перед кафедрой проповедника. Следом за ними я спустился в подземелье. Впереди маячил хвост зловещей процессии, которая теперь вызывала у меня ужас. Участники неведомого обряда миновали ветхий склеп и направились к отверстию в каменном полу. Дождавшись своей очереди, я ступил на первую ступеньку винтовой лестницы. Со стен колодца капало, иногда сыпалась каменная крошка, воздух был спертым и отдавал гнилью. Спуск проходил в молчании. Больше всего меня тревожило то, что не

слышалось ни шороха, что невозможно было уловить ни малейшего признака эха.

Вонь сделалась почти невыносимой. Тут впереди замерцал свет, и я услышал, как плещется вода. Меня снова пробрала дрожь, ибо ночные события нравились мне все меньше и меньше. Я горько пожалел о том, что внял наказу предков и явился в Кингспорт. Стены колодца разошлись, и я различил иной звук – тонкий, визгливый голосок свирели. Внезапно передо мной словно распахнулся занавес: я увидел, что нахожусь в обширной пещере. Моим глазам предстал столб тошнотворно-зеленого пламени на усеянном губками берегу маслянистой реки, что вытекала из черной бездны и впадала в вековый океан Тьмы.

Фигуры в плащах образовали полукруг у огненного столба. Они готовились совершить старинный обряд, древностью превосходивший человеческий род и обреченный его пережить. Я видел, как они совершали этот обряд, как поклонялись зеленому пламени и пригоршнями швыряли в воду губки. Я лицезрел бесформенное существо, восседавшее чуть в сторонке и игравшее на свирели, к стенаниям которой пришивался глухой, зловещий клекот. Особенно сильно меня пугал огненный столб: пламя вырывалось из бездны, оно не отбрасывало тени; тепла от него не исходило, оно сулило лишь разрушение и смерть.

Старик, который привел меня сюда, подал знак дудочнику, и тот завел новую мелодию. Музыка повергла меня



в неопиcуемый ужас. Я вжался в камень, ибо меня охватил страх, подобного которому испытать под луной просто невозможно; этот страх знаком лишь тем, кто бывал в холодных промежутках между звездами.

Неожиданно из неведомых глубин, что порождали тошнотворное пламя, из пучины, что принимала в себя маслянистые воды реки, появились, ритмично взмахивая крыльями, твари, один вид которых мог кого угодно свести с ума. Рассудок отказывался воспринимать их как живых существ. В них было что-то от ворон – и от кротов, от канюков, летучих мышей и муравьев... Словом, они выглядели, как... Нет! Не хочу! Я не должен вспоминать! Они кружили над нами, поочередно садились на берег, дожидались, когда им на спины заберутся фигуры в плащах, и улетали вдоль по течению реки.

Старик жестом пригласил меня последовать примеру других. Я увидел, что дудочник куда-то исчез, а неподалеку переминаются с лапы на лапу две крылатые твари – видимо, они дожидались нас со стариком. Между тем старик написал на дощечке, что обряд необходимо завершить, а когда я не пошевелился – извлек из складок одежды наши семейные реликвии: перстень с печаткой и часы, как бы напоминая мне, зачем я здесь.



Крылатые твари в нетерпении царапали когтями лишайник на камнях; старик, судя по всему, тоже торопился. Одна из тварей попятилась к воде. Он повернулся к ней, чтобы остановить. От резкого движения капюшон слетел у него с головы, а восковая маска, скрывавшая лицо, упала на берег. И я бросился в подземную реку, нырнул в гнилостные испражнения земли прежде, чем мои истошные вопли созвали на берег тех, кто населял недра планеты.

В больнице мне рассказали, что меня нашли на рассвете в гавани Кингспорта. Я цеплялся за деревянный брус и был едва жив. По всей видимости, в темноте я сбился с пути,

свернул на развилке не в ту сторону и упал с обрыва в море. Мне нечего было возразить, хотя я знал, что врачи ошибаются... Потом меня перевели в клинику Святой Марии в Аркхеме, где уход за больными был лучше. Тамошние врачи отличались широтой взглядов; они даже раздобыли для меня экземпляр «Некрономикона» из библиотеки местного университета. Я прочел одну главу – и задрожал от страха, ибо читал ее не впервые. Я видел эту книгу раньше, а где – о том лучше забыть. Меня преследовали кошмары, в которых звучали цитаты из «Некрономикона». Я не смею их повторить... Нет! Ну разве что один отрывок...

«Глубин иного мира, – пишет безумный араб, – не измерить взором, их чудеса поистине диковинны и внушают трепет. Проклята земля, где мертвые оживают и обретают тела, зол разум, который лишен пристанища... Из гноя восстает омерзительная жизнь, грубые стервятники терзают ее и раздуваются, чтобы поглотить. В земных недрах прорыты длинные ходы; твари, рожденные ползать, научились бегать».

# Неименуемое

*Аркхем*

В осенних сумерках мы сидели на запущенном надгробии семнадцатого века на старом аркхемском кладбище и рассуждали о неименуемом. Обратив взгляд на исполинскую иву с почти целиком вросшей в ствол древней могильной плитой, надпись на которой прочесть теперь не представлялось возможным, я стал фантазировать по поводу того, какого типа «питательные» вещества извлекают гигантские корни этого гигантского дерева из земли многовекового кладбища; мой приятель упрекнул меня в том, что я несу вздор, ибо здесь уже более ста лет никого не хоронят, а значит, в почве нет ничего особенного, чем могло бы питаться это дерево, помимо самых обычных веществ. И вообще, добавил он, все эти мои постоянные упоминания о различных «неименуемых» и «не произносимых вслух» вещах – пустой детский лепет, вполне в духе моих ничтожных успехов на ниве литературы. Я слишком увлекаюсь в рассказах всяческими кошмарными видениями и звуками, которые лишают моих персонажей не только мужества и дара речи, но и памяти, в результате чего они не могут внятно поведать о случившемся. Мы познаем все окружающее, заявил он, посредством своих пяти чувств и с помощью интуиции; следовательно, не может

существовать таких предметов или явлений, которые не поддаются строгому описанию, основанному либо на достоверных фактах, либо на корректно выстроенных богословских доктринах – в качестве последних предпочтительны догматы конгрегационалистов в любой их модификации, вплоть до трактовки сэром Артуром Конан Дойлем.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.